

- рэвалюцыі (1789–1799 гг.) 21–22 крас. 1999 г., Мінск / пад рэд. У.С. Кошалева, У.Н. Сідарцова. – Мінск: БДУ, 1999. – С. 139–142.
6. *Добровольский, В.К.* Витебская губерния в Отечественную войну [1812 года] / В.К. Добровольский // Полоцк. летописец. – 1993. – № 1. – С. 75–79; *Ружанец, А.* Літоўска-беларускае войска Цэсара Наполеона / А. Ружанец // Беларуская мінуўшчына. – 1995. – № 1. – С. 29–30; *Калубовіч, А.* Нашы папярэднікі / А. Калубовіч // Крокі гісторыі: даследаванні, артыкулы, успаміны. – Беласток – Вільня – Менск: «ГАМАКС», «Наша ніва», «Мастацкая літаратура», 1993. – С. 7–38.
 7. *Паўловіч, Э.* Навагрудак у 1-й палове XIX ст. / Э. Паўловіч // Спадчына. – 1994. – № 6. – С. 114–121; *Яцкоўскі, І.* Аповесць з майго часу, альбо Літоўскія прыгоды / І. Яцкоўскі // Arche. – 2008. – № 7–8. – С. 924–1055; *Раманаў, Е.* Пра эпоху 1812 года / Е. Раманаў; пер. з рускай працаіерэя Георгія Сакалова // Праваслаўе / Беларус. Праваслаўн. Брацтва Трех Вілен. мучанікаў (Беларусь), «Ортруд» Беласток (Польшча). – 2011. – № 17. – С. 141–151.
 8. *Сокольников, М.* «Исполнено по высочайшему повелению...»: Рапорт, поданный Наполеону начальником его контрразведки, пол. генералом Михалом Сокольниковым, с рекомендациями «о способах избавления Европы от влияния России...» / сост., предисл., примеч. О.А. Яновского. – Минск: Беларус. гос. ун-т, 2003. – 150 с.; Часовая мінская газета, 1812 год; пер. з польск. мовы / пад рэд. Я. Анішчанкі. – Мінск: Выдавец Віктар Хурсік, 2008. – 181 с.
 9. Беларусь и война 1812 года: Документы / сост. А.М. Лукашевич, Д.Л. Яцкевич; редкол.: В.И. Адамушко (гл. ред.) [и др.]. – Минск: Беларусь, 2011. – 559 с.
 10. *Цебурака, А.М.* Лёс прыжыццёвага выдання ўспамінаў сяржанта Бургоня // Колодеевские чтения: материалы науч.-практ. конф., посвящ. 150-летию И.Х. Колодеева, нояб. 2009 г., г. Борисов / составители: И.А. Карпова, А.А. Балябин]. – Борисов: Борисовская центральная районная библиотека, 2010. – С. 8–12.
 11. *Лукашевич, А.М.* Создание электронной библиотеки и виртуального музея И.Х. Колодеева: основные подходы и проблемы / А.М. Лукашевич // Матэрыялы Чацвёртых міжнародных кнігазнаўчых чытаньняў «Новыя тэхналогіі ў захаванні дакументальных помнікаў» (Мінск, 20–21 лістап. 2008 г.) / Нац. бібліят. Беларусі; склад. А.А. Капырына. – Мінск: 2008. – С. 150–161; *Лукашевич, А.М.* Создание электронной библиотеки собрания И.Х. Колодеева: к постановке проблемы / А.М. Лукашевич // Книга – источник культуры: проблемы и методы исследования: материалы Междунар. науч. конф. (Минск, 25–27 нояб. 2008 г.) – М.: Наука, 2008. – С. 185–188.
 12. *Пивоварчик, С.А.* Белорусские земли в системе фортификационного строительства Российской империи и СССР (1772–1941) / С.А. Пивоварчик. – Гродно: ГрГУ, 2006. – 252 с.
 13. *Лукашевич, А.М.* Белорусские земли как вероятный театр военных действий: изучение, инженерная и топографическая подготовка (70-е гг. XVIII – 1812 г.) / А.М. Лукашевич. – Минск: БГУ, 2010. – 319 с.
 14. *Лукашевич, А.М.* Западный пограничный район в военно-стратегических планах Российской империи (конец XVIII – 1812 г.). В 3 кн. Кн. 1: Политическая ситуация по данным служб разведки и контрразведки / А.М. Лукашевич. – Минск: ИВЦ Минфина, 2012. – 359 с.
 15. *Несцярчук, Л.М.* Баявыя дзеянні 3-й заходняй расійскай арміі ў Айчынную войну 1812 года на тэрыторыі Беларусі: дыс. ... канд. гіст. навук: 07.00.02 / Л.М. Несцярчук. – Мінск, 1996. – 103 л.
 16. *Бектинеев, Ш.И.* Формирования российской армии с белорусскими наименованиями / Ш.И. Бектинеев. – Минск: Арти-Фекс. 1999. – 110 с.
 17. *Ерашэвіч, А.У.* Уплыў напалеонаўскіх войнаў на грамадска-палітычнае жыццё Беларусі (1799–1815 гг.): дыс. ... канд. гіст. навук: 07.00.02 / А.У. Ерашэвіч. – Мінск, 2003. – 211 с.
 18. *Сосна, А.У.* Фарміраванне саслоўна-групавога складу сялянства Беларусі ў канцы XVIII – першай палове XIX ст. / А.У. Сосна. – Мінск, 2000. – 201 с.
 19. *Литвиновская, Ю.И.* Беларусь в войне 1812 г.: социально-экономический аспект: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Ю.И. Литвиновская. – Минск, 2004. – 128 л.
 20. *Радзюк, А.Р.* Канфіскацыя прыватнай уласнасці на Беларусі ў канцы XVIII – першай палове XIX ст.: дыс. ... канд. гіст. навук: 07.00.02 / А.Р. Радзюк. – Мінск, 2006. – 114 с.
 21. *Черепица, В.Н.* «Если он жив, то позволить ему возвратиться домой...». Французские военнопленные в Гродненской губернии после 1812 года; *Черепица, В.Н.* ... Не потеряй связующую нить: История Гродненщины XIX–XX столетий в событиях и лицах (исследования, документы, комментарии): монография / В.Н. Черепица. – Гродно: ГрГУ, 2003. – С. 152–163.
 22. *Самович, А.Л.* Военнопленные наполеоновских войн в западных губерниях России / А.Л. Самович – Минск: Минсктиппроект, 2008 – 85 с.
 23. *Груцо, И.А.* Судьба московских трофеев Наполеона в Отечественной войне 1812 года / И.А. Груцо. – Минск, 2004; *Груцо, И.А.* История московских трофеев Наполеона и исследование березинской версии их судьбы на базе документальных и вещественных источников: монография / И.А. Груцо. – Минск, 2005. – 239 с.; *Груцо, И.А.* Национальные реликвии Франции и России в военной кампании 1812 года: историография, источники / И.А. Груцо. – Минск, 2009 – 300 с.
 24. *Лукашевич, А.М.* Памятники и памятные места 1812 года в Беларуси / А.М. Лукашевич. – Минск: Харвест, 2012 – 288 с.
 25. *Швед, В.В.* Заходні рэгіён Беларусі ў часы напалеонаўскіх войнаў. 1805–1815 гады / В.В. Швед, С.У. Данскіх. – Гродна: ГрДУ імя Я. Купалы, 2006. – 252 с.

SUMMARY

The article analyses distinctive characteristics of the works by Belarusian post-Soviet researchers on the problem of the 1812 campaign. The author determines the main trends in research of the 1812 campaign in post-Soviet historiography, which are connected with publishing of sources, selection of subjects of research works and organization of scientific cooperation.

Паступіў у рэдакцыю 28.11.2013 г.

УДК 94(476):355.488«1812»

А.А. Игнатьева,

аспирант кафедры славянской истории и методологии исторической науки БГПУ

БОРЬБА САМОДЕРЖАВИЯ С ПРОНАПОЛЕОНОВСКИМИ НАСТРОЕНИЯМИ В ДВОРЯНСКОЙ СРЕДЕ ПЯТИ СЕВЕРО-ЗАПАДНЫХ ГУБЕРНИЙ НАКАНУНЕ ВОЕННОЙ КАМПАНИИ 1812 г.

В современной отечественной историографии проблема реакции самодержавия на пронаполеоновские настроения в белорусских землях накануне военной кампании 1812 г. неоднократно рассматривалась такими

историками, как А. Ерошевич, А. Лукашевич, В.В. Швед [1–3]. Исследователи отводили значительную роль проектам восстановления Польского королевства и Великого Княжества Литовского как способам привлечения на свою

сторону местного дворянства. А. Лукашевич выявил такие меры, как конфискация имущества, создание специальных структур политического сыска в качестве ответа самодержавия на пронаполеоновские симпатии в западном регионе [4].

Цель исследования – выявление стратегии, разработанной российским самодержавием, с целью ослабления пронаполеоновских настроений в дворянской среде накануне военной кампании 1812 г., которая реализовывалась на территории восьми западных губерний. Основной акцент сделан на ее проявлении в пяти северо-западных губерниях, где проживало большинство этнического белорусского населения.

Сложная международная обстановка, обусловленная войнами 1806–1807 и 1809 г. между союзными европейскими государствами Пруссией, Австрией, Россией и Англией, с одной стороны, и наполеоновской Францией, с другой, оказала влияние на общественно-политическую ситуацию в западных губерниях Российской империи. Данные войны подняли так называемый польский вопрос, решение которого имело безусловную важность для высшего сословия рассматриваемых губерний. Их итогом явилось образование и расширение княжества Варшавского, включившего в себя часть польских земель, отошедших к Пруссии и Австрии в результате разделов Речи Посполитой. Несмотря на то, что между Наполеоном и Александром I был заключен Тильзитский мир в 1807 г., согласно которому оба императора становились союзниками и объявляли континентальную блокаду Англии, царь был обеспокоен образованием у своих границ вассального Наполеону княжества Варшавского. Сам факт его существования создавал угрозу потери западных провинций, которые были получены Российской империей после разделов Речи Посполитой.

В западных губерниях часть местного дворянства стала рассматривать княжество Варшавское в качестве ядра восстановления Речи Посполитой при поддержке французского императора. Кроме того, надежды на возрождение государственности подпитывались пронаполеоновской пропагандой через различные брошюры и прокламации, которые начали проникать на территорию Российской империи во время войны 1806–1807 г. Они призывали местное население присоединяться к французским войскам [5, с. 24]. Пропаганда возымела действие, и в период с 1806–1809 г. на военную службу в княжество Варшавское вступило около 12 тыс. уроженцев пяти северо-западных губерний [6, с. 154].

Пронаполеоновские настроения дворянства не могли оставаться незамеченными россий-

скими властями. С целью их ослабления была разработана следующая стратегия: с одной стороны, принять строгие и решительные меры против разглашения различных слухов и массового бегства своих подданных за границу, с другой – взять инициативу в решении важного для местного дворянства польского вопроса в свои руки, тем самым притянув его в свои ряды.

Указом от 13 января 1807 г. был учрежден Комитет охранений общей безопасности, осуществляющий надзор за поведением и настроениями жителей всех восьми западных губерний. На протяжении 1808–1812 гг. функции полицейского надзора были сосредоточены поочередно в Комитете министров (1808–1810 гг.), в Министерстве полиции и в руках главнокомандующих 1-й и 2-й Западными армиями (1810–1812 гг.) [4, с. 102–103]. Содействием этим учреждениям оказывали губернаторы всех восьми западных губерний, а также специальные уполномоченные, занимавшиеся сбором информации о политических настроениях и ее доставкой в вышестоящие органы.

Для прекращения массового бегства подданных империи в княжество Варшавское, правительство Российской империи прибегло к таким мерам, как конфискация и секвестр земельной собственности лиц, удалившихся без его разрешения за границу. Основными законами, регулирующими данный механизм, стали указы от 24 августа, 5 октября, 17 декабря 1809 г. [7, № 23806, 23893, 24035]. Конфискации подвергались земельные владения дворян, которые в течение 6 месяцев не вернулись в пределы империи. Эти меры распространялись и на имения, которые они должны были унаследовать после смерти родителей. На основании манифеста от 10 сентября 1810 г. в губернских городах северо-западных губерний создавались комиссии для продажи казенного имущества, которые осуществляли принятие собственности лиц, не вернувшихся из-за границы в казну [8, № 24346].

В Гродненской губернии конфискации подверглись имения 50 собственников. Согласно ревизии за 1811 г., в них насчитывалось 1 тыс. 151 крестьян мужского пола. В Виленской губернии под секвестром оказались имения 30 владельцев. Из них 11 чел. были выходцами из Виленского повета, 3 – из Россиенского, 6 – из Шавельского, 5 – из Упитского, 3 – из Ошмянского повета, по 1 чел. – из Браславского и Завилейского поветов [9, л. 211–221]. В Минской губернии также был запущен механизм конфискации имущества, но точных данных о количестве взятых в секвестр имений не зафиксировано. Подтверждением этому служит предписание минского губернского правления от 30 декабря 1809 г. различным инстанциям (поветовым и нижним земским судам, город-

ничим, магистратам) с требованием информации об имущественном состоянии следующих дворян, выехавших за границу без разрешения правительства: А. Лопата, Р. Машевского, Я. Котовича, Ю. Орловского, С. Рейтана, В. Милодовского, М. Езерского, Войниловича, Марковского, А. Развадовского, А. Войзбуна, М. и И. Забелло [10, л. 25]. Предпринятые российским правительством меры возымали временный успех. Многие крупные земельные собственники стали возвращаться в пределы империи, но уладив дела с именными, вновь уезжали за границу.

Существенные изменения в международной ситуации, произошедшие в 1810 г., подорвали союз России и Франции и принудили Александра I пристальней посмотреть на польскую проблему. Наполеон захватил княжество Ольденбургское, поддерживал Турцию в войне с Российской империей. Александр I в свою очередь фактически вывел страну из континентальной блокады Англии, наладил сотрудничество с антифранцузской оппозицией в немецких землях и делал попытки ее усилить. Все это свидетельствовало о вероятности скорого вооруженного столкновения. В российском военном штабе активно разрабатывался план возможной наступательной войны такими военными деятелями, как М.И. Барклай де Толли, П.И. Багратион, Е. Виртембергский. В плане княжеству Варшавскому и польской армии отводилась значительная роль, которая заключалась в поддержке России в ее продвижении на запад для нанесения удара по Наполеону [11, с. 58].

Начиная с конца 1809 – начала 1810 г., Александр I берет инициативу решения польского вопроса в свои руки. С этой целью российский император наладил отношения с князем А. Чарторыйским, который стал его постоянным гостем в период с ноября 1809 по май 1810 г. Более тесное сотрудничество с князем происходило посредством переписки в 1810–1811 гг.

В письме от 25 декабря 1810 г. к Чарторыйскому Александр I высказал возможность решения польского вопроса с помощью России, просил князя выяснить настроения жителей княжества Варшавского и позицию польского командования по данной проблеме. В письме от 30 января 1811 г. Александр I сообщил князю о своем намерении образовать из земель княжества Варшавского и части западных губерний по линии рек Западной Двины, Березины и Днепра Королевство Польское под протекторатом России. Взамен Александр I требовал помощи 50-тысячной польской армии, которая могла бы поддержать Россию в продвижении до Одера для нанесения поражения Наполеону. Российский император уверял князя Чарто-

рыйского, что предпринятый шаг заставил бы примкнуть к ним Пруссию, а также «совершил бы полный переворот во взглядах Европы», дав ей надежду на «освобождение от гнета» [12, с. 182].

Отвечая императору 30 января 1811 г., А. Чарторыйский писал о едином желании жителей княжества Варшавского восстановить польскую государственность с введением конституции 3 мая 1791 г., но отмечал сильные пронаполеоновские симпатии среди населения. Князь писал: «Как бы справедливы ни были жалобы, которые поляки могут предъявить к Наполеону, ему все-таки удалось держать их в уверенности, что только лишь абсолютная невозможность, но отнюдь не недостаток доброй воли помешал ему продвинуть вперед дело об их возрождении» [12, с. 158].

В феврале 1811 г. князь А. Чарторыйский провел переговоры с некоторыми министрами княжества Варшавского, а также главнокомандующим польской армией Ю. Понятовским, который категорически выступил против российских предложений, желая иметь письменные им подтверждения. Кроме того, Ю. Понятовский уведомил Наполеона о намерениях России, скрыв при этом источник информации. Таким образом, миссия князя А. Чарторыйского закончилась полным провалом, российские предложения не внушили доверия политической элите княжества Варшавского [11, с. 60].

В российских военных кругах также разрабатывался оборонительный план ведения войны при ведущей роли К. Фуля, прусского генерала и военного теоретика на российской службе. Одновременно с его принятием возникла идея создания из западных губерний автономного Великого Княжества Литовского, образ которого смог бы вызвать симпатию местного дворянства и ослабить пронаполеоновские настроения в данном регионе. Оборонительный план ведения войны предусматривал боевые действия на территории западных губерний, уклонение от генерального сражения, отступление к укрепленному лагерю и опустошение покинутой противнику территории. Его осуществление предполагало максимальное использование материальных и людских ресурсов западных губерний, что требовало привлечения на свою сторону местного населения (особенно дворянства) [11, с. 63]. Именно поэтому идея создания княжества Литовского смогла бы подтолкнуть дворянство к активному сотрудничеству с российскими властями. Для этого необходимо было найти человека, который пользовался бы уважением у местного дворянства и пошел бы на диалог с правительством.

Такой фигурой стал князь М.К. Огинский, который в 1811 г. прибыл в Санкт-Петербург и лично встретился с Александром I. Вскоре

к нему присоединились представители политической элиты региона (К. Друцкий-Любецкий, К. Плятер, Т. Вавжецкий, К. и К. Любомирские) [11, с. 69]. 15 мая, 22 октября, 15 декабря 1811 г. князь Огинский составил и предъявил императору докладные записки, в которых обозначил политические требования местного дворянства [13, с. 200, 214].

Князь высказал необходимость в противовес княжеству Варшавскому образовать из восьми западных губерний (Виленской, Гродненской, Минской, Витебской, Могилевской, Киевской, Подольской, Волынской губерний вместе с Белостокским и Тарнопольским округами) автономную провинцию Великое Княжество Литовское в составе Российской империи под управлением наместника. Он также предлагал использовать Статут 1588 г. в качестве основного законодательного кодекса, ввести безапелляционный трибунал, сделать польский язык официальным в делопроизводстве, уравнять литовские провинции в налогообложении с другими губерниями. М.К. Огинский считал нужным образовать Литовскую канцелярию в качестве органа управления публичными делами и Административную раду, исполняющую функции внутренней администрации [13, с. 212–213].

По мнению М.К. Огинского, такой шаг российского самодержавия в польском вопросе уничтожил бы влияние французского императора в западных губерниях, склонил бы на сторону Александра I жителей княжества Варшавского и поспособствовал возвращению подданных в пределы империи. М.К. Огинский писал: «Отважусь предсказать, что в таком случае большое количество офицеров и солдат варшавских пожелали бы поступить на службу Вашего императорского Величества, особенно те, кто покинул Ваши владения. Они будут стараться быстрее вернуться на родину» [13, с. 212]. Также К. Друцким-Любецким, Л. Плятером разрабатывались варианты конституции, а К. Любомирским и Я. Витте проект вооруженных сил Великого Княжества Литовского. Несмотря на их плодотворную работу, все проекты так и не были реализованы [11, с. 74–76].

Таким образом, польский вопрос не был решен накануне военной кампании 1812 г. На протяжении 1809–1812 гг. Александр I лишь создавал иллюзию готовности предпринять конкретные действия в решении польской проблемы с целью ослабления пронаполеоновских настроений в западных губерниях. К тому же проекты А. Чарторыйского и М.К. Огинского являлись составной частью и технической стороной военно-стратегических планов Российской империи в преддверии войны 1812 г. [2, с. 57].

Примечательно, что беспокойная политическая обстановка в западных губерниях при-

влекла внимание российской общественности. В своем письме от 27 ноября 1810 г. А. Геслинг к герцогу Ольденбургскому предлагал предпринять следующие меры «для устранения антиправительственной деятельности поляков»: сформировать в Москве из молодых представителей знатного местного дворянства гвардейские полки, позволить им иметь доступ в лучшие дома русского дворянства; поселить шляхту на Кавказ и наделить ее землей; послать в западные губернии самых образованных и высоко нравственных чиновников. Основные заметки данного письма были отправлены Александру I [14, л. 4–5].

В целом, предпринятая самодержавием стратегия не дала желаемого эффекта. Правительству не удалось ослабить пронаполеоновские настроения в дворянской среде накануне военной кампании 1812 г., о чем свидетельствуют донесения действительного статского советника Кржижановского и гражданских губернаторов в 1811–1812 гг.

В ноябре-декабре 1811 г. Кржижановский, отправленный в Виленскую, Гродненскую и Минскую губернии, проинформировал министра полиции А.Д. Балашова о ненадежности местного населения, особенно чиновничества, и слабых позициях городской и земской полиции [15, л. 75]. В течение апреля-мая 1812 г. гражданские губернаторы, исполняя предписание А.Д. Балашова о доставке сведений касательно политических настроений во вверенных им губерниях, предоставили следующие сведения. Так, Виленский гражданский губернатор А.С. Лавинский отмечал, что почти все местные жители являются сомнительными для правительства, исключая только богатейшее дворянство. Тем не менее он считал, «что без какой-либо посторонней силы и влияния, легкомыслие их воспретит им дать дальнейшее действие своим замыслам». Гродненский гражданский губернатор В.С. Ланской писал, что не может поручиться за верность дворянства вверенной ему губернии. По его мнению, в случае отступления российской армии вглубь империи, «все против нас восстанет со всех сторон». Но он также отмечал, что позиция местных жителей будет зависеть от хода военных действий. В.С. Ланской писал: «Если ход дел будет для нас удачен, они – приверженцы наши, в противном случае – наши враги волею или неволею». [16, л. 12–16].

Весной 1812 г. были предприняты радикальные и жесткие меры для борьбы с пронаполеоновскими настроениями в дворянской среде западных губерний. Начиная с 16 апреля 1812 г., на территории Курляндской, Виленской, Минской, Гродненской, Киевской, Волынской, Подольской губерний, Белостокской и Тарнопольской областей вводилось военное положение.

ние. 12 июня оно также распространилось и на территории Витебской и Могилевской губерний. Все полицейские функции сосредоточились в руках главнокомандующих 1-й и 2-й Западными армиями [4, с. 307]. Власти также пошли на расширение полномочий гражданских губернаторов. Им разрешалось иметь в своем распоряжении сверх надлежащего еще по два земских заседателя, в земских казенных палатах для их нужд был открыт кредит на сумму до 10 тыс. руб. [17, л. 2]. Все это давало возможность гражданским губернаторам максимально усилить контроль за местным населением, нанять дополнительных чиновников и оплачивать их услуги по доставке необходимой информации. Гражданские и военные губернаторы, главнокомандующие армиями, командиры военных подразделений получили право депортировать всех «неблагонадежных» лиц во внутренние губернии империи. Уже в июне 1812 г. по приказу Александра I во внутренние губернии империи были высланы следующие дворяне Виленской губернии: Зданкевич, Сволкин, Вейс. Первые два обвинялись в неблагонадежности правительству, последний был уличен в заготовке провианта для французской армии [18, с. 32–33].

27 апреля 1812 г. военный министр и главнокомандующий 1-й Западной армией М. Барклай де Толли разослал по всем западным губерниям 50 экземпляров выписки из полевого уголовного уложения, статьи которого предписывалось опубликовать на польском, русском и немецком языках, распространить в городах и поветах. Они и определили особенности взаимодействия местного населения с российской армией. Согласно положениям из полевого уголовного уложения, лица, заподозренные в шпионаже, переписке с неприятелем и поставке ему провианта, побега к вражеской армии, считались изменниками и подвергались смертной казни. Такая же мера наказания предусматривалась за неповиновение, склонность к бунту, сокрытие дезертиров [19, л. 171].

Таким образом, российское самодержавие активно готовилось к предстоящей войне. Введение военного положения обусловило применение жестких и репрессивных мер с целью устранения различных волнений и слухов, которые могли дестабилизировать обстановку.

Итак, разработанная и проводившаяся самодержавием стратегия борьбы с пронаполеоновскими настроениями в дворянской среде пяти северо-западных губерний Российской империи на протяжении 1807–1812 гг. оказалась малоэффективной. Отказ Александра I решить так называемый польский вопрос предоставил такую возможность Наполеону в период войны 1812 г. Применение радикальных и жестких мер

(депортация, смертная казнь) после введения военного положения также не способствовали сплочению местного дворянства вокруг русского престола, часть которого с нетерпением ждала прихода Наполеона.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Швед, В.В. Паміж Польшчай і Расіяй: грамадска-палітычнае жыццё на землях Беларусі (1772–1863) / В.В. Швед. – Гродна: ГрДУ, 2001. – 415 с.
2. Лукашевич, А.М. Проекты восстановления Речи Посполитой и Великого Княжества Литовского и их место в военно-стратегическом планировании Российской империи (1810–1812 гг.) / А.М. Лукашевич // Внешняя политика Беларуси в исторической ретроспективе / редкол.: В. Астапенко и др. – Минск, 2002. – 276 с.
3. Ерашэвіч, А. Палітычныя праекты адраджэння Рэчы Паспалітай і Вялікага Княства Літоўскага ў палітыцы расейскага царызму напярэдадні вайны 1812 г. // Гіст. альм. – Гародня, 2002. – Т. 6. – С. 84–96.
4. Лукашевич, А.М. Западный пограничный регион в военно-стратегических планах Российской империи (конец XVIII в. – 1812 г.). В 3 кн. Кн. 1: Политическая ситуация по данным служб разведки и контрразведки / А.М. Лукашевич. – Минск: ИВЦ Минфина, 2012. – 359 с.
5. Таляронок, С. Грамадска-палітычны рух на Беларусі напярэдадні вайны 1812 г. / С. Таляронок // Беларус. гіст. часопіс. – 1994. – № 3. – С. 23–26.
6. Фурсов, М.В. Исторический очерк Могилевской губернии / М.В. Фурсов. – Могилев, 1882. – 175 с.
7. Полное собрание законов Российской империи с 1649 по 12 декабря 1825 года // Собрание первое: в 45 т. Т. 30: 1808–1809. – СПб., 1830.
8. Полное собрание законов Российской империи с 1649 по 12 декабря 1825 года // Собрание первое: в 45 т. Т. 31: 1810–1811. – СПб., 1830.
9. Дело о снятии секвестра с имений лиц, не возвратившихся в Россию во время войны 1812 года (1814–1815 гг.) // Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. 1165. – Оп. 1. – Д. 158.
10. Указы правящего сената за 1810 год // Национальный исторический архив Республики Беларусь (НИА РБ). – Ф. 76. – Оп. 1. – Д. 98.
11. Nawrot, D. Litwa i Napoleon w 1812 roku. / D. Nawrot. – Katowice: Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego, 2008 s.
12. Беседы и частная переписка между императором Александром I и князем Адамом Чарторыйским / пер. с фр. С. Явленский. – М.: «Сфинкс», 1912. – 371 с.
13. Грыцкевіч, А. Памятныя запіскі Міхаіла Клеафаса Агінскага Аляксандру I у 1811 годзе / А. Грыцкевіч // Адраджэнне: гістарычны альманах. – Мінск, 1995.
14. Письмо и записка А. Геслинга от 27 ноября 1810 года о средствах для устранения антиправительственной деятельности поляков при отношении начальника Главного штаба е.и.в. Дибича цесаревичу Константину 1826 г. // Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. 1165. – Оп. 3. – Д. 38.
15. Дело о ревизии Могилевской и Гродненской губерний (31 января – 2 августа 1811 г.) // Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. 1165. – Оп. 1. – Д. 491.
16. Дело по наблюдению за политическими настроениями жителей западных губерний (март–июнь 1812 г.) // Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. 1165. – Оп. 1. – Д. 149.
17. Переписка с военным министром о применении постановления Комитета министров о предоставлении губернаторам пограничных губерний более широких полномочий для наблюдения за населением (май–июль 1812 г.) // Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. 1165. – Оп. 1. – Д. 151.
18. Акты и документы архива Виленского, Ковенского, Гродненского генерал-губернаторского управления, относящиеся к истории 1812–1813 гг. Ч. 2. Переписка по части гражданского управления. – 1913. – 355 с.
19. Указы правящего сената за 1812 год // Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Ф. 76. – Оп. 1. – Д. 105.

SUMMARY

The main idea is to consider the strategy, which was worked out and realized by the Russian autocracy to take the stuffing out of pro-Napoleonic illusions and sympathies among the noblemen on the eve of 1812

campaign. On the basis of a wide range of published and non-published material the main components of the strategy and the reasons of its inefficiency were identified.

Поступила в редакцию 28.11.2013 г.

УДК 930.2(476) «17/18»:339(091)

А.Э. Лютая,
кандыдат гістарычных навук, дацэнт кафедры гісторыі Беларусі БДПУ

ГІСТОРЫЯ ГАНДЛЮ Ў БЕЛАРУСІ ДРУГОЙ ПАЛОВЫ XVIII – ПЕРШАЙ ПАЛОВЫ XIX ст.: КРЫНІЦЫ ДАСЛЕДАВАННЯ ПРАБЛЕМЫ

Дэталёвы археаграфічны і крыніцазнаўчы аналіз дакументаў па гісторыі гандлю ў Беларусі перыяду позняга феадалізму можна знайсці ў працах А.П. Ігнаценкі, З.Ю. Капыскага і М.М. Улашчыка [12; 14; 34]. Гэтыя гісторыкі аб'ектыўна адзначаюць, што з актавых дакументаў вялікае значэнне мае Літоўская метрыка – дзяржаўны архіў Вялікага Княства Літоўскага з 1386 па 1794 г. Выклікаюць асаблівую цікавасць фонды, у якіх захаваліся дакументы канцылярыі ВКЛ па сацыяльна-эканамічным развіцці Беларусі ў другой палове XVIII ст.: заканадаўчыя акты ў галіне гандлю, завяшчання, арэндныя дагаворы з купцамі і інш. [12, с. 12].

Выданны дакументаў і матэрыялаў па гісторыі прамысловасці ў перыяд позняга феадалізму дазваляюць прасачыць ролю купецтва Беларусі ў працэсе фарміравання індустрыяльнага грамадства [18–19]. Матэрыялы рознабачковыя і вельмі супярэчлівыя. Але з іх дапамогай можна дэталізаваць звесткі пра колькасць насельніцтва, развіццё гандлю і шляхоў зносін, рост гарадоў і мястэчак, пра характар прамысловай вытворчасці.

У зборніку «Гісторыя Беларусі ў дакументах і матэрыялах» [7] выклікае інтарэс апошні раздзел «Беларусь у складзе Рэчы Паспалітай», у якім ёсць звесткі пра гандаль. Але большую частку дакументаў аўтары запазычылі з раней выдадзеных зборнікаў. Н.М. Нікольскі і І.Ф. Лочмель, складальнікі другога тома [8], уключылі ў сваё выданне мноства дакументаў з фондаў розных архіваў краіны. Аднак архівы Гродна і Вільнюса ў гэты перыяд былі недаступныя для даследчыкаў, таму назіраўся значны прабел у дакументальным асвятленні гісторыі Заходняй Беларусі. Вядомыя гісторыкі ўвялі ў навуковы ўжытак вялікую колькасць архіўных крыніц, але не змаглі абысціся без запазычанасці з раней выдадзеных зборнікаў «Матэрыялы да гісторыі мануфактуры ў часы распаду феадалізму», «Полное собрание законов Российской империи» і інш. Новыя архіўныя звесткі, у тым ліку і з фондаў Гродна і Вільнюса, былі

ўключаны ў шматтомнае выданне дакументаў і матэрыялаў па гісторыі Беларусі эпохі феадалізму, якое выйшла ў свет у канцы 50 – пачатку 60-х гг. XX ст. [2].

Пасля далучэння тэрыторыі Беларусі да Расійскай імперыі ў апошняй чвэрці XVIII ст. царскі ўрад паставіў перад мясцовай адміністрацыяй, гаспадарчымі, ваеннымі і навуковымі ўстановамі і арганізацыямі практычную (вельмі часта з фіскальных ці ваенных патрэб) задачу вывучэння становішча краю. Перш за ўсё неабходна адзначыць выданне матэрыялаў камеральных і эканамічных заўваг да геаграфічных карт, складзеных афіцэрамі Генеральнага штаба ў канцы XVIII ст. Да іх належаць «Экономическое камеральное замечание Минской губернии», «Камерально-экономические и экономические замечания Полоцкого наместничества», «Топографическое описание Минской губернии» [12, с. 14; 28]. Значна пашырылі базу крыніц па вывучаемай праблеме матэрыялы па геаграфіі і статыстыцы, якія былі сабраны афіцэрамі Генеральнага штаба ў сярэдзіне 50-х гг. XIX ст. [3; 11; 15]. Яны даюць дастаткова поўную характарыстыку сацыяльна-эканамічнага развіцця Беларусі ў дарэформенны перыяд.

Звесткі пра колькасць і склад насельніцтва, у тым ліку і купецтва, развіццё эканомікі, шляхах зносін маюцца ў тамах «Военно-статистическое обозрение Российской империи» [4–5; 6] і ў памятных кніжках беларускіх губерняў [24–25], якія выдаваліся губернскімі статыстычнымі камітэтамі з канца 50-х гг. XIX ст. Для складання статыстычных табліц можна выкарыстаць статыстычныя матэрыялы даследаванняў канца XIX – пачатку XX ст. [1; 23; 31–33].

Крыніцамі па знешнім гандлі Беларусі з'яўляюцца табліцы і даныя даследаванняў Г.Ф. Нябальсіна і М.П. Заблоцкага [10; 22], а таксама матэрыялы з кнігі «Сборник сведений по истории и статистике внешней торговли России» [30].

Для параўнання даных статыстычных табліц і архіўных звестак можна выкарыстаць карта-